

ЛЮДИ И ПРЕДОГРАНЫ

2000-Е. КРИМИНАЛЬНЫЙ РУБЕЖ

**СВЕТИЛЬНИКИ
НАДО БЕРЕЧЬ!**

Людмил Федогранов
Светильники надо беречь!
Серия «2000-е: Криминальный
рубеж», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18572487
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Глеб Фёдорович Свидерский – сорокалетний доцент-холостяк, после попытки самоубийства одной из студенток узнаёт о том, что в университете работает банда, отправляющая девушек в бордели за границу. Он обращается к своему ученику, майору СБУ Вячеславу Сливенко, но тот не имеет права что-либо говорить учителю. Неожиданно смертельная опасность нависает над любимой девушкой Свидерского, которому приходится бороться за жизнь любимой и саму Любовь. Но обстоятельства складываются так, что доцент Свидерский получает удар в спину от одного из своих друзей...

Содержание

ВМЕСТО ПРОЛОГА	5
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Людмил Федогранов СВЕТИЛЬНИКИ НАДО БЕРЕЧЬ!

Светлой памяти

Евгении Александровны ГРАНОВОЙ

и

Глеба Фёдоровича ФЕДОСЕЕВА

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Подлинная жизнь отличается от жизни придуманной тем, что в ней может быть всё, что угодно: ни один, даже самый изошрённый, ум не в состоянии представить или вообразить, какие удивительные сплетения обстоятельств могут совершенно естественно и свободно существовать в реальности, как причудливо могут переплетаться людские судьбы и сколь извилистыми могут быть дорожки, называемые обычно жизненными путями...

То есть, конечно, все – в общем и в целом – знают, что в жизни может быть... разное, но почему-то ждут от неё упорядоченности и последовательности, некой запрограммированности во всём, забывая, что тем-то она и прекрасна, что чаще всего не даёт человеку расслабиться, почитать на лаврах, требуя от него готовности и желания жить, умения достойно встречать абсолютно всё, что посылает судьба, и не только трудности, а и вообще – всё...

«Кто родился – тот уже везучий, Жизнь – очко с беззубой каргой...» – правильно, хотя и несколько выпендренно сказал поэт, бывший когда-то кумиром миллионов, а сейчас ставший... ну, словом, живущий так, как он считает нужным жить.

То, что произошло в течение нескольких дней, о которых будет здесь рассказано, с самым обычным человеком, ни-

когда и ни под каким видом не стремившимся осложнять жизнь себе и окружающим его людям, можно считать подтверждением высказанного выше соображения: в жизни может быть всё, что угодно, и невозможно придумать такое, чего бы в ней, жизни, не могло произойти.

Позднее, когда всё это закончилось и Глеб Фёдорович Свидерский пытался понять, почему всё произошло именно так, он так и не сумел «отследить», где же была та самая «точка невозврата», после прохождения которой отыграть назад было уже невозможно. Ему почему-то казалось важным именно это – определить, с чего всё началось, когда именно обстоятельства сложились так, что лично у него, Глеба Свидерского, уже не было другого выхода и другого пути.

«Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил...»

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОЦЕНТА СВИДЕРСКОГО

«... но это не самое худшее. Намного хуже другое: ладно, чёрт бы вас побрал, расфасовали всех мало-мальски стОящих писателей и поэтов по цитатам, приготовили к употреблению в, так сказать, наиболее приемлемой для массового потребителя форме, так они же ещё и цитаты эти стараются приспособить к уровню «интеллектуальных» возможностей этого самого массового потребителя!..

В последнее время самые разные люди, от политиков до торгашей, вдруг опять накинудись на беднягу Сент-Экса. С умным видом и прочувствованными голосами, трогательно глядя нам в глаза с экрана, они повторяют – как заведённые: «Мы в ответе за тех, кого приручили!» При этом подразумевается, что эта самая ответственность им день и ночь покоя не даёт, но они, мученики, справляются с ней ради нас, простых смертных, которых именно они приручили...

Много ума не нужно: открой любое издание «Маленького принца» и прочитай, как именно сказал великий француз о том, без чего жизнь любого человека превращается в убогое существование – об этой ответственности каждого из нас за людей, которые нам верят. Не «мы», чёрты бы вас всех здесь побрал, а именно «ты»! Ты! И здесь-то уже

не спрячешься за этим безликим «мы», за этим монстром эпохи великого эксперимента, когда каждого человека старались сделать частью целого, и тем самым разрушали и это целое, и человека. Потому как для его, целого, появления, и это проверено всей мировой историей, необходимо, чтобы была свободная человеческая личность. Чтобы личность была свободна во всём – и блаженно ограничена в этой своей свободе пониманием того, что только тогда, когда ты отдаёшь себя – не абстрактным «мы», не «им», а одному-единственному человеку, в котором сосредоточен весь мир! – только тогда ты и есть!

Цитаты порционно – и вот уже нет (как и не было...) главного, выстраданного этим чудаком-французом и определяющего подлинную ответственность человека – «навсегда»... Вот ведь в чём фокус-то: не можешь ты тогда, когда тебе этого захотелось или когда ноша стала слишком тяжкой, освободиться от этой ответственности. Не можешь потому, что ты получаешь её вместе с доверием, которым одаряет тебя другой человек, не на время, не на день-два или год-другой, а навсегда! Хочешь ты этого или нет – но навсегда... И это слишком сложно, это влечёт за собой такую меру ответственности, что ты иногда начинаешь думать о том, что ну это всё к чёрту, эту твою работу и попытки хоть чему-то научить тех, кого ты учишь, тому, что, как это иногда кажется, более или менее понятно тебе самому. Потому что проходит время, и уже ты сам пересматриваешь то, что ранее казалось

тебе если и не незыблемым, то близким к истинному... Ты открываешь что-то новое в том, что тебе казалось слишком хорошо знакомым, по-новому видишь вроде бы старые, привычные истины, и это правильно. Только люди, которых ты когда-то учил, уже получили от тебя всё то, что ты на тот момент времени мог им отдать, и ушли с этими знаниями в самостоятельную жизнь! А как сделать так, чтобы они смогли то новое, что открылось тебе, увидеть в уже известном им, если они уже ушли? И они сами теперь учат других, и уже они сами становятся людьми, которым верят, следовательно, уже они сами несут эту ответственность за всех, кого приручили?

...Глеб, у тебя, как выражаются твои студенты, начинает ехать крыша! И до добра это не доведёт, поэтому марш под душ, и чтобы через пятнадцать минут был готов!»

* * *

Сегодня у Глеба Фёдоровича Свидерского, сорокалетнего доцента кафедры зарубежной литературы и художественной культуры Приморского государственного педагогического университета, была «микродата», как он называл события, имеющие в его жизни определённое значение, но никак не отмеченные в календарях. Таких «микродат» в жизни Глеба Свидерского было немного, часть из них была опреде-

лена не им самим, как, например, день рождения, но по преимуществу все отмечаемые Глебом в течение каждого календарного года даты были связаны с его собственными достижениями или, мягко говоря, недоработками.

В отличие от большинства людей, Глеб Свидерский отмечал не только дни своих подлинных или мнимых побед, но и дни явных, безусловных поражений. Делалось это не потому, что он был мазохистом и растравлял собственные раны (а поражение – это всегда рана, кто бы что ни говорил...), всё было намного проще... Глеб Свидерский полагал, что нормальный человек просто обязан учиться на своих собственных ошибках, поэтому наиболее значительные из них отмечал ежегодно, держа себя таким образом постоянно в форме, не расслабляясь от того, что – в принципе – удач и достижений в его относительно успешной жизни было значительно больше.

Сегодня была позитивная «микродата» в жизни Глеба. День, который был знаменателен тем, что Глеб Фёдорович Свидерский блистательно подвёл итог своих многолетних напряжённых усилий в, так сказать, области профессиональных исследований. Восемь лет назад именно в этот день он защитил кандидатскую диссертацию и, соответственно, стал кандидатом филологических наук.

Конечно, это было не Бог весть что, защититься в тридцать два года... Потому что сейчас – как грибы после обильного дождя – появляются двадцатипятилетние кандидаты

наук и тридцатипятилетние доктора. Но тут уж у каждого своя дорожка, и Глеб очень гордился тем, что ему удалось буквально за один год сделать то, на что у тех же самых шустрых аспирантов уходило как минимум три года.

Глебу Свидерскому пришлось заниматься кандидатской диссертацией в пожарном порядке. Можно сказать, просто сел и написал! И это было хорошо и плохо одновременно, хотя над темой диссертации он работал долго и трудно.

Хорошо – потому, что работа по-настоящему увлекала его, он с удовольствием «ковырялся» в давно собранном материале и по-новому осмысливал то, что, казалось бы, было давно ясно и понятно.

Раздражало же Глеба то, что, столкнувшись с замшелым механизмом защиты диссертации и не имея лишнего времени, он львиную долю усилий тратил не на саму работу, не на исследование как таковое, а на решение всевозможных организационных проблем, на совершенно изматывающие хождения по различным кабинетам и оформление бесчисленного количества совершенно бесполезных документов...

В конечном же итоге оказалось, что эта – на первый взгляд бессмысленная – бумажная волокита была даже полезна тем, что после неё Глеб с утроенной силой и настоящей радостью бросался на саму работу, и сам процесс написания диссертации продвигался просто-таки семимильными (как для такого рода деятельности) шагами.

Сейчас Глеб с удовольствием вспоминал сытое, холёное

лицо председателя учёного совета, благодушно-пьяного академика, успевшего несколько раз на протяжении защит (в тот день защищались два человека) посетить соседнее с залом помещение, где был накрыт достаточно обильный стол с большим количеством разнообразных спиртных напитков.

После того, как члены счётной комиссии подвели итоги тайного голосования, председатель постучал ручкой по неизменному графину, призывая уже весёлых и добрых от выпитого и съеденного коллег к порядку, и сыто произнёс: «Таким образом, учитывая результаты голосования, разрешите объявить решение учёного совета о присвоении Сви́дерскому Глебу Фёдоровичу учёной степени кандидата филологических наук. Поздравляю, коллега, и желаю Вам и дальше всяческих творческих успехов!»

Удовольствие Глеба было вызвано воспоминанием о том, как во время застолья это сытое широкое лицо плаксиво съёживалось при взгляде на очередную подносимую ко рту рюмку. Как будто почтенный академик видел перед собой что-то уж вовсе омерзительное, смириться с чем было выше его моральных и физических сил, но с чем выдающемуся учёному приходилось мириться... Ничего особенного не было ни в таком отношении к спиртному, ни в том, что академики и иже с ними пили ничуть не хуже сапожников (пьяного сапожника хоть не надо домой отвозить на такси, не то, что учёного мужа, которого пришлось тащить чуть ли не на плечах на пятый этаж высокого «сталинского» дома, благо,

хоть лестница была широкая...), ни в последующем общении с этими упившимися учёными мужами, но вспоминать об этом сейчас Глебу было весело и приятно.

...Доцент Глеб Фёдорович Свицерский неторопливо шёл по старому парку, в глубине которого находился корпус филологического факультета. Так получилось, что этот корпус оказался центром университетского городка, и это очень нравилось бывшему студенту и нынешнему доценту, получавшему истинное удовольствие от воспоминаний о дне защиты. Спешить Глебу было некуда: сегодня у него была всего одна лекция, вторая пара, и он успевал на неё совершенно свободно...

* * *

Наверное, началом всей этой сумасшедшей истории можно считать именно это позднее утро, потому что примерно в то же самое время, когда доцент Глеб Фёдорович Свицерский, погружившись в приятные воспоминания, шествовал на занятия, в другом конце университетского городка, возле общежития № 1, самого старого и самого... малоприспособленного для даже очень непритязательного студенческого существования, поднялась суматоха. Она была вызвана не столько приездом «Скорой помощи», сколько тем, что проследовавшие в указанную им комнату медики, увидев лежащую на кровати без сознания девушку, которая, вероятно,

в обычных обстоятельствах выглядела очень симпатично, а сейчас была даже не бледной, а сине-серой и не реагировала ни на какие попытки привести её в чувство, мгновенно приступили к исполнению своих профессиональных обязанностей. Для этого, помимо активных действий, им понадобилась помощь в виде специального реанимационного автомобиля, примчавшегося на высокой скорости и с соответствующим звуковым и световым сопровождением.

«Скорая» возле общаги – дело, в общем-то, довольно обычное, но две сразу, да ещё одна из них такая «навороченная»... Население общежития, которое – теоретически – в это время должно было грызть гранит науки, но в подавляющем большинстве ещё не покидало родные пенаты, оживлённо комментировало происшествие.

Однако надо отметить, комментарии были... маловразумительными, потому что народ, в основном, студенты старших курсов, видал виды. Молодёжь, что с неё, наивной, взять, ещё верила, что учёба – это то, ради чего человек оказался в университете, тогда как старшекурсники имели по этому поводу своё мнение... Но сейчас даже битые жизнью студенты-старшекурсники старались высказываться осторожно: просто так болтать негоже, а конкретно никто ничего не знал.

Когда санитары быстро вынесли носилки с лежащим на них неподвижным узким телом, народ сообразил, что Снежана (так звали пострадавшую), слава Богу, жива. Если бы

она была уже... ну, если бы с ней случилось непоправимое, то тело было бы накрыто простынкой. Этот – строго логический – вывод заметно поднял настроение собравшимся в холле старшекурсникам, которым, кстати, нужно было поспешить. Если на первой паре у них был Божий одуванчик доцент Солодовников, читавший лекции по слогам и не поднимавший головы от конспекта, и этого преподавателя не волновало, слушает ли его лекцию хотя бы один человек, то на второй будет Свидерский – а это та ещё штучка! Если ты пропустил его лекцию, то он без всяких перекличек это увидит и, встретив тебя через два-три дня, обязательно скажет: «Что-то я вас на последнем занятии не углядел? Объясниться не желаете?»

Идиотов, которые добровольно желали бы объясниться, естественно, не было, но и полных кретин, открыто объявлявших глазастому доценту об этом своём желании, тоже не находилось...

* * *

Приморский государственный педагогический университет был старейшим высшим педагогическим учебным заведением в регионе, чем в последнее время жутко гордился. Этим фактом гордился трудовой коллектив, гордился новый ректор, профессор Полубояринов, гордился, если верить университетской газете, профессорско-преподаватель-

ский состав, гордились, если поверить этому же источнику, даже сами студенты. Которых в университете было ни много, ни мало – около десяти тысяч на стационаре и три с половиной тысячи на заочном...

Такое огромное количество гордившихся, конечно, создавало определённое реноме университету в городе и области, но здесь имела место быть некая неувязочка...

Проблема была в том, что гордое и звучное имя «университет» бывший педагогический институт носил всего лишь полгода и, разумеется, за столь непродолжительный срок Приморск не успел должным образом проникнуться тем, что в нём уже нет «педина», зато появился «педун».

Собственно, «педин» – это было самое, так сказать, нейтральное из названий данного учебного заведения, под которыми оно было известно в городе. «Бурса», например, было названием менее благозвучным, а ласковое «бл-шник», под которым бывший педагогический институт был широко известен в среде моряков военного, рыболовецкого и торгового флотов бывшего Союза Советских Социалистических Республик, хотя и с высокой точностью отображало моральные качества довольно значительной части будущих педагогов, в Приморске старались вслух не произносить...

Портовый город – а Приморск был типичным портовым городом – всегда отличается некоторой свободой нравов, поскольку море привносит в него... Чего только «самое синее в мире» море не привносит в портовый город?!

Наличие в Приморске педагогического института сильно облегчало разрешение проблемы культурного отдыха экипажей всех тех плавсредств, которые швартовались у длинных причалов Приморского порта или стояли на рейде. По иронии судьбы (а может, в этом и была, как говаривал герой бессмертного творения великих земляков, та самая «великая сермяжная правда»...), университетский городок одновременно граничил и с территорией порта, и с городским парком культуры и отдыха... В котором и происходили непринуждённые знакомства будущих педагогинь и рыцарей равных парусов, заканчивавшиеся потом, как это чаще всего бывало, большой и чистой любовью.

Большой и чистой, длившейся весь период стоянки судна...

Причалы в порту были длинными, и раньше они никогда не пустовали. Уходили одни плавсредства, на смену им приходили другие, и команды снова сходили на берег, а на берегу моряков ждали короткие радости перед новым рейсом... Жизнь продолжалась!

Конечно, порт и пединститут старались мирно сосуществовать, но в этом мирном сосуществовании «было всякое», как выражался испытывший в этих краях чувство огромной любви, воплощённое затем в трагической поэме, поэт Владимир Маяковский.

Случались порой и чрезвычайно серьёзные конфликты, возникавшие из-за благосклонности дам или отсутствия

оной благосклонности. Случалось, что какая-нибудь проворная моряцкая жена, узнав от добрых людей о том, что её благоверный, якобы никак не получающий заработанные тяжким трудом в море отгулы и не имеющий возможности вырваться на недельку домой, куда-нибудь в Петушки, на самом деле просто «залёг на дно» в обществе какой-нибудь будущей математички или даже физкультурницы и, подлец такой, нагло нарушает супружескую верность! И волосы рвали друг дружке горячих кровей женщины, а иногда, объединив усилия, дружно поколачивали «яблоко раздора»! И комсомольское бюро по косточкам разбирало некоторых несознательных членов ВЛКСМ женского рода, и даже исключали иногда этих членов из института за аморальное поведение!

Господи, чего только не было! Даже браки счастливые – и в немалых, между прочим, количествах! – заключались...

После того, как самый некогда могучий в мире советский торговый флот был распродан и раскраден, казалось, Приморск станет вести более аскетический, может быть, даже более нравственный образ жизни. Потому что у длинных пирсов большую часть года только ветер гулял, а плавсостав на тех же самых плавсредствах, но уже под другими названиями и другими флагами, в других портах искал забвения и радости после по-прежнему длинных и трудных рейсов.

Но время есть время, жизнь есть жизнь. И Приморск, изначально возникший как морские ворота, теми же самыми воротами и остался. Поэтому в эти ворота стали заходить

другие суда, с другими экипажами, и в районе порта почти не осталось привычных Вась и Петь, на смену которым пришли разные Джоны, Пабло и Хуаны... Но теперь уже отношения между институтом и портом стали более приземлёнными, более деловыми, исчезли романтика и игра, поскольку всё стало определяться законами рынка: «товар-деньги-товар».

Тот, кто хотел что-то купить и мог себе это позволить, платил и получал своё, а тот, кто мог что-то продать, старался продать это подороже...

Новые экономические отношения сильно облегчили жизнь институтскому, а позднее и университетскому руководству. Сейчас те, кто избирал своей жизненной дорогой дорогу, связанную с... обслуживанием потребностей плавсостава, долго в заведении не задерживались, потому что незачем было тратить золотые годы жизни на якобы учёбу. Люди, которые хотят понять друг друга, всегда найдут способ реализовать свои желания, а диплом об окончании высшего учебного заведения (пусть это заведение хоть отечественной Сорбонной зовётся!) в настоящее время – вещь смешная, коль речь идёт о достижении жизненного успеха... Не диплом решает, кому быть кем, совсем даже не диплом!

В связи с новым взглядом общества на сущность и задачи высшего образования в кузнице педагогических кадров, где осуществлялась подготовка будущих Песталоцци и Макаренко к выполнению ими своих профессиональных обя-

занностей, стали забывать, что такое крутые загулы, вызванные заходом в порт крупных судов и обилием хороших знакомых, оказавшихся в одночасье на берегу. Разве что выпускники прошлых лет, встречаясь на совещаниях в горно, могли поделиться приятными воспоминаниями о бурно проведённой молодости... И если бы ученики этих благообразных учителей-методистов и учителей высшей категории могли услышать их ностальгические воспоминания, вероятно, они совершенно по-иному посмотрели бы на своих строгих, умных, знающих и очень уважаемых наставниц?

...Доцент Глеб Фёдорович Сви́дерский, выпускник учебного заведения, в котором он сейчас по мере сил «сеял разумное, доброе, вечное», в своё время немало настрадался от весёлого соседства своей «альмы с матерью»! Потому как им, пацанам с филфака, бывшим едва ли не единственными представителями мужского пола в своих учебных группах, приходилось терпеть почти полное пренебрежение собою в пользу «мэриманов», которые в глазах однокурсниц имели намного больше преимуществ. А младшие курсы, на которых, казалось бы, ещё можно было отыскать родственную филологическую душу, очень быстро проникались общепринятыми нормами поведения, то есть становились не по годам взрослыми.

Сейчас Глеб Сви́дерский, сорокалетний моложавый мужчина, холостяк по убеждению, успешно противостоящих попыткам превратить себя в женатого человека, имел в универ-

ситете репутацию твёрдокаменного противника брака. Не брака вообще, который как форму сосуществования мужчины и женщины он всячески приветствовал, а брака применительно к собственной персоне.

Когда-то Свицерский шутил: «Лучше платить бездетность, чем алименты!» Речь шла об уникальном налоге, который взимался страной победившего социализма с людей, не состоявших в браке. Было когда-то такое, что мужчина, у которого не было детей, платил за это из зарплаты энную сумму! Получалось, что по причине отсутствия детей нужно было отдавать государству деньги, которые тратились... А в самом деле, на что же тратились деньги, которые государство добывало таким идиотским способом?! На детские дома, что ли?

Убеждённость Глеба Свицерского в том, что семейная жизнь – это не для него, не доконал даже «последний приступ молодости». Как определили Ильф и Петров, этот приступ хронологически соответствует тридцати восьми годам. Глеб Фёдорович благополучно пережил этот приступ, поэтому сейчас ему ничего не грозило. Во всяком случае, сам он полагал, что ему ничего не грозит.

На самом деле Глебу, как отмечалось выше, приходилось постоянно отражать более или менее робкие атаки представительниц прекрасного пола, которые хотели бы видеть себя в качестве законной супруги доцента Свицерского. Конечно, нынешний доцент по сравнению со своим коллегой периода

застоя – это, прямо скажем, совсем даже и не подарок. Это две большие разницы...

Если ты не хочешь «крутиться», то, пролетарий умственного труда, живи на, с позволения сказать, заработную плату, которую придурковатое государство будет тебе выплачивать тогда, когда ему, государству этому, стукнет моча в голову, а такое бывает не часто... Нет, моча-то ему бьёт постоянно, но чтобы это касалось зарплаты? А выборы, хоть они и затренировали своей частотой, тоже не каждый месяц проходят. Поэтому государство и насобачилось – понасобирает долгов по зарплате, а к выборам с барского плеча отдаёт!

Но дамы и не дамы, претендовавшие на руку и сердце доцента Свицерского, довольно наивно полагали, что главное – начать. Под началом подразумевалось создание семьи. С печатями в паспорте, это должно быть обязательно! После чего «блаженный Глебушка», как называли его в университете, никуда не денется. И станет жить так, как все нормальные люди живут.

Эти, так сказать, «нормальные» люди жили – как в материальном плане – в высшей степени достойно. Даже лучше, чем в прошлые, тоже очень сытые для советской интеллигенции, годы. Достигалось это достойное существование весьма радикальными методами, большинство из которых были стары, как мир. И потому особенно эффективны!

Если придурковатое (как тут не повториться, если это правда?) государство не хотело или не могли платить пре-

подавателям вузов те деньги, которые им положено было платить, руководствуясь реальной стоимостью продаваемых ими знаний, то на помощь приходила очень быстро возникающая Система. В рамках которой преподаватели высших учебных заведений самостоятельно «добирали» недостающую стоимость продаваемого ими «интеллектуального товара». Но тогда уже само государство оказывалось лишним...

Довольно быстро была выработана специальная «такса», и эта «такса» позволяла восстановить попорченную дебильным государством социальную справедливость. Любое жизненное проявление преподавателя имело свой денежный эквивалент, и студенты, которые не хотели учиться, могли спокойно освободить себя от неприятных обязанностей. Если, разумеется, были готовы расстаться с соответствующей суммой денег в различных валютах – от рахитичной национальной до самой устойчивой в мире: «Сто долларов – это всегда сто долларов!»

Справедливости ради нужно заметить, что Система, хоть и сложилась быстро, не появилась мгновенно. Поначалу люди ещё боялись, опасаясь подвоха, как-то не хотелось рафинированным провинциальным интеллектуалам размениваться по мелочам, суетиться и трепыхаться... Некоторые преподаватели так и не научились закрывать глаза на то, на что нельзя было смотреть спокойно. Но... Время шло, привычные условия сытой жизни и необременительной работы не возвращались, нужно было как-то кормить семьи и рабо-

тать дальше...

Опять же, как со временем выяснилось, за взятки и подношения никого не сажали в тюрьму, не судили и даже не выгоняли с работы. Наоборот! Командные места, руководящие должности стали занимать обеспеченные люди, источники благосостояния которых были всем слишком хорошо известны... И постепенно нынешний порядок вещей стал вроде бы как и единственно возможным.

Довольно быстро в городе пошла слава о педине как о вузе, из которого без взятки и не выгонят, а уж чтобы учиться в этой клоаке без «подарков»! Самыми порядочными из преподавателей стали считаться те, кто не трогал немногочисленных студентов, которые пытались учиться самостоятельно, а обкладывал данью только нерадивых, бездарей или так называемых «блатняков». Последних деятелей среди студентов становилось всё больше и больше, потому что почти каждый из преподавателей предусмотрительно старался «подготовить» несколько человек к поступлению, получая за это приличные суммы в СКВ. За эти деньги учёный человек обеспечивал подопытному кролику практически стопроцентную гарантию поступления, приобретая одновременно и надёжную «кормушку» на пять лет...

Действительно, каждый поступивший «блатняк» чуть ли не автоматически становился для благодетеля самой настоящей дойной коровой на всё время своего пребывания в стенах богоугодного заведения. Потому что учиться сие созда-

ние чадолубивых родителей не могло и не хотело, а студентам получать зачёты и экзамены всё-таки каким-то образом нужно было... Вот тут-то преподаватель и становился самым настоящим «отцом родным» (даже если речь шла о преподавателях-дамах...), который за умеренную плату обеспечивал заполнение зачётной книжки необходимыми автографами.

Ясно и понятно, что такой благодетель по-братски делился полученными от родителей «блатняка» денежными средствами с теми из коллег, чьи подписи гордо красовались в зачётной книжке, ведь просто так только грибы-поганки после дождя вырастают! Людей же нужно заинтересовать и поощрить. Что и делалось весьма успешно.

Глеб Сви́дерский был известен на всех факультетах университета как «последний из моги́кан». То есть из тех, кто не продавал оценки, а оценивал знания студентов. За это кое-кто из коллег довольно остроумно прозвал его «последним из мудаков», и Глеб Фёдорович Сви́дерский знал об этом прозвище. За это же многие его очень сильно не любили. Даже мечтали выжить из университета, однако профессиональный уровень доцента Сви́дерского был исключительно высоким. К своим сорока годам Глеб Фёдорович Сви́дерский обладал устойчиво высокой профессиональной репутацией, успешно работал над докторской диссертацией, был известен в стране и за рубежом как серьёзный учёный, отличавшийся широтой кругозора, глубиной исследований и успешной адаптацией полученных им результатов.

Когда Глеба иногда спрашивали, почему он ни за какие блага не выполняет специфические «просьбы» коллег, которые сопровождались чрезвычайно заманчивыми материальными предложениями, Свидерский терпеливо отвечал, что он может поставить зачёт или экзамен «за глаза», то есть без ответа, только в одном-единственном случае: если речь идёт о беременной женщине. Потому что ей, будущей матери, ни в коем случае нельзя волноваться. Будущей маме нужно сидеть дома и заниматься будущим ребёнком, а не шляться по всяким там институтам и маяться дурью! Что же касается того, почему во всех остальных случаях он был железобетонно-неприступным, то объяснение было предельно простым:

– Можно купить отметку о сдаче зачёта или экзамена, как это делают почти все. Можно купить саму возможность получения знаний, и это не самый плохой вариант в жизни. Можно, наконец, просто купить документ о высшем образовании или даже диплом кандидата наук. Можно! Но сами знания купить невозможно... Поэтому я их и не продаю. Имею в виду, не продаю в виде отметки. Я могу научить чему-то только того, кто появляется на занятиях, если человек не появляется – как я его научу? И ещё... Знаете, в мужских компаниях особого рода есть такой, скажем так, шик-блеск: мимо идёт женщина, а мужик, показывая на неё, хвалится друзьям: «Я её е...» Проверить невозможно, не будешь же подходить и спрашивать... Если студент платит преподавателю за оценку, то он, на мой взгляд, может показать на него

пальцем и прилюдно объявить, что он его... того. Конечно, ты идёшь себе и идёшь, ничего не слышишь, но ведь слова-то сказаны! Они уже материализовались, и никуда от этого не денешься... Вот я и хочу, чтобы обо мне такое – в принципе – невозможно было сказать. Чтобы человеку, который попытается сказать обо мне такое, его же собеседники заткнули рот тем, что это совершенно другой человек пошёл, что с ним такое вообще невозможно. А лучше – если ему за такие слова, которые он за моей спиной скажет, просто дадут в морду. Как полагается – и в случае с женщиной тоже, между прочим...

Именно поэтому на лекции Глеба Свидерского старались приходиться даже записные прогульщики и «блатняки из блатняков». И послушно отключали на них свои мобильники, потому что Глеб, в отличие от большинства коллег, на лекциях никогда не сидел за столом, он коршуном кружил по аудитории и внимательнейшим образом воспринимал то, что он называл «обратной связью».

Студенты суеверно считали, что от доцента Свидерского ничего нельзя скрыть-утаить, что он видит не только затылком, но и всеми остальными частями тела. Поэтому на его лекциях никто и никогда не пытался заниматься посторонними делами: никто не играл в «морской бой», никто не закусывал и не выпивал, никто не флиртовал и не ругался с соседями. Глеб требовал, чтобы на его парах активно работали, он умел создать рабочую обстановку и поддерживать

нужным темп работы.

Это не означало, что на его занятиях не было места шуткам, юмору или, как он сам это называл, «лирическим паузам» – по аналогии с паузами музыкальными из до сих пор любимой народом телевизионной игры по разгадыванию кроссвордов.

Если доцент Свицерский видел, что подуставшие студенты малость «плывут», он мог и пошутить, рассмешить их так, что кое-кто самым натуральным образом падал со стула. Если он полагал, что в беседе желательна иная тональность, то в аудитории могло прозвучать стихотворение или очень известного, или практически не известного студентам поэта, которое давало эмоциональную разрядку и помогало сохранить рабочий настрой на всё оставшееся время занятия. Возможно, именно поэтому подавляющее большинство студентов старалось не пропускать занятия доцента Свицерского: на них почти всегда было интересно, они заставляли людей думать и «вникать» в простые, казалось бы, всем понятные и хорошо известные вещи.

Так, например, произошло на практическом занятии по «Маленькому принцу» Сент-Экзюпери, когда Глеб Свицерский виртуозно «поймал» всю группу на том, что старшекурсники элементарно не понимали того, что они добросовестно читают... И половина занятия ушла на рассмотрение и осмысление одной-единственной фразы писателя, из которой потом, как в волшебной сказке, сами студенты «выта-

щили» всё самое главное. За ниточку одной фразы прямо из текста...

Филфак ютился в старом корпусе, это было самое старое здание в университетском городке. Здание, с которого, собственно говоря, и начинался уважаемый в городе и области вуз. Ибо начинался он с единственного факультета, и это был филологический факультет!

С тех пор прошло без малого сто лет, за эти годы были построены несколько современных (на момент строительства) корпусов, но филфак всегда располагался там, где он и был с самого начала. Теперь на филфаке было очень тесно, потому что он разросся, стал одним из самых крупных факультетов университета: только на стационаре здесь обучалось без малого тысяча человек... В последние годы упорно поговаривали о разделении филфака на несколько «специальных» филологических факультетов, дело как бы двигалось к этому, но пока что в старом корпусе было очень тесно.

Любого, кто проникал на филфак, встречало... его собственное отражение: прямо напротив двери стояло огромное, под самый потолок, старинное трюмо с мраморной столешницей и тускловатым туманным зеркалом.

От того, что зеркало было очень старым, человек видел в нём себя не таким, каким он был на самом деле, а, складывалось впечатление, тоже постаревшим. Когда-то давно, будучи мальчишкой-студентом Глеб Свицерский, очень любил это необычное зеркало, потому что в нём он видел себя

старше и мужественнее, чем он был на самом деле – а в годы юности это было очень приятно: видеть себя таким... взрослым! Теперь же доцент Свицерский видел в зеркале худощавого мужчину среднего роста, у которого отчётливо прорисовывались залысины, а костюм-тройка ещё больше подчёркивал худощавость и кукуую-то лёгкость облика...

Во всём увиденном Глеб радовало только одно: он терпеть не мог людей, которые с возрастом «расплываются», теряют форму, «жиреют», как он говорил. Соответственно, Глеб Свицерский панически боялся, что со временем он сам может стать толстяком... Пока что этого не наблюдалось. Более того, доцент Свицерский до сих пор мог ходить в брюках от того самого костюма, в котором он был на школьном выпускном вечере. Такие себе широченные «клеша», как говорили у них в городе, последний «писк» моды конца застойных семидесятих годов...

В дверях Глеб задержался недолго, он сразу же поднялся по широченной мраморной лестнице на второй этаж, где располагалась кафедра зарубежной литературы и художественной культуры, доцентом которой он имел честь состоять вот уже пять лет. До этого его должность называлась более, как ему представлялось, красиво, солидно и внушительно: старший преподаватель! В этом было что-то до такой степени солидное, что Глеб Свицерский, уже получив аттестат доцента, долго ещё сожалел о своём прошлом величии, сокрушаясь, что к званию доцента нельзя присобачить что-то типа

«старший доцент». На это ему вполне обоснованно возражали коллеги: дескать, ничего и никуда тебе присобачивать не нужно, становись себе профессором – и утраченная на время солидность снова вернётся к тебе...

Проходя мимо деканата, Глеб заглянул туда краем глаза и увидел, что Шурик Самсонов, его однокашник и нынешний коллега, сидит на своём месте и, нахмурившись, слушает что-то неприятное, прижав к оттопыренному обычно правому уху телефонную трубку. Вероятно, то, что сообщали ему из трубки, было по-настоящему неприятно для Шурика, потому что его – почти всегда жизнерадостное – лицо было хмуро-пасмурным. Шурик даже не отреагировал на мгновенное появление и столь же мгновенное исчезновение Глеба, а для этого нужны были очень даже веские причины. Потому что Шурик и Глеб были знакомы более четверти века и, при всех «горячо-холодно», какие неизменно сопровождают взаимоотношения умных, ироничных и самостоятельных людей, неизменно симпатизировали друг другу. Можно даже сказать, были друзьями.

«Самсону опять кто-то мозги компостирует. Потом забегу», – решил Глеб и пошёл прямо на кафедру.

Кафедра зарубежной литературы и художественной культуры обрела своё нынешнее название в результате упорных попыток убрать из новоиспечённого педагогического университета всё, что хоть как-то напоминало о том, что Приморск изначально являлся городом российским. Который

возник как российский город, говоривший на русском языке. И который оставался российским городом на протяжении своей – более чем двухвековой – истории.

После распада некогда единого и якобы могучего Советского Союза на ряд весьма независимых, прямо скажем, государств, когда «парад суверенитетов» стал напоминать где балаган, а где и кошмар с реками крови и горами трупов, выяснилось, что Приморск теперь принадлежит суверенному государству, которое резко отрицательно относится ко всему, что могло бы считаться русским! Или, как стали выражаться некоторые политики, «русскоязычным»...

Поскольку от дурня, которого заставили молиться Богу, следует ожидать чего угодно, но уж разбитый-то лоб гарантирован, новые власти начали с того, чем безуспешно занимались их предшественники. А именно: они попытались превратить свободолобивый, насмешливо-ироничный Приморск в город, потерявший своё лицо и живущий по принципу «Чего изволите?»

Такие художества со свободолобивыми потомками беглых крепостных, греческих контрабандистов, коммерсантов еврейского происхождения, или, как шутили в Приморске, «еврейской профессии», и прочего народонаселения, упорно отстаивавшего своё право жить так, как хочется, не проходили никогда. Конечно, не могли они принести нужный результат и теперь. Тем более, что новые власти пока что и сами точно не знали, чего именно им хочется добиться от

непокорного Приморска – кроме, разумеется, демонстрации собственного псевдомогущества.

Как бы там ни было, но глобальные преобразования коснулись и педагогического института-университета, в котором теперь преподавание якобы осуществлялось на якобы государственном языке. Таковы были требования столичного руководства образованием. Но ведь требования руководства на одной шестой части суши всегда было принято выполнять с точностью до наоборот! Просто так, ничего личного!

Опять же, если обратиться к бессмертному Маяковскому, то «было всякое»... Лично для Глеба Свидерского эти попытки глобальных государственных преобразований были связаны с бесчисленными записями в трудовой книжке, каждая из которых отражала очередной шаг в деле новаторского преобразования бывшей кафедры русского языка и русской литературы, ставшей ныне тем, чем она стала...

Эта многострадальная кафедра занимала узкую и длинную комнату, назвать которую кабинетом можно было лишь с большой натяжкой. Это была именно комната, с большим старомодным диваном, несколькими столами, которые, не исключено, находились здесь со времени основания университета, и разнокалиберными стульями, среди которых выделялся один – очень хороший, красного дерева, с высокой резной спинкой. Естественно, что стоял он возле стола, хозяином которого числился заведующий кафедрой профессор

Грохотун.

Грохотун – это фамилия, и не удивительно, что его обладателя в частных беседах называли Грохотом. И под этим, несколько фамильярным, прозвищем Адольф Савельевич Грохотун был известен в бывшем Советском Союзе как один из наиболее оригинальных исследователей английской литературы конца девятнадцатого – начала двадцатого веков.

Сейчас на кафедре никого не было, и Глеб Свидерский, положив большой чёрный портфель на свой персональный стол, отправился в отгороженный шкафом закуток, чтобы причесаться. Намечавшаяся лысина сильно огорчала доцента Свидерского, и он прикладывал много усилий для того, чтобы сделать её неотвратимое появление менее, как ему казалось, заметным. Эти его усилия не оставались незамеченными коллегами, и каждый из них по-своему проявлял сочувствие или... равнодушие к такой болезненной для Глеба проблеме. Совершенно лысый профессор Грохотун неоднократно уверял своего ученика, что эти мучения сразу же прекратятся после того, как Глеб окончательно и бесповоротно облысеет:

– Голуба, – говорил он, – мне тоже сперва было не по себе, было! А потом оказалось, что моя новая причёска – самая удобная! И потом, – профессор заговорщически понижал голос, – медики доказали, что лысина – это вовсе не так плохо. Для мужчины. Это показатель того, что мужчина...

потенциален!

Последний довод, как полагал профессор Грохотун, являлся совершенно неотразимым аргументом в пользу лысины как одной из форм самоутверждения.

Сейчас доцент Свидерский старательно расчёсывал свои жёсткие каштановые волосы, добиваясь того, чтобы они полностью скрыли намечавшиеся залысины. Это занятие поглотило его целиком, поэтому он даже не услышал того, как открылась дверь кафедры. И громкий голос Шурика Самсонова, заместителя декана филологического факультета по воспитательной работе Александра Алексеевича Самсонова, старшего преподавателя кафедры зарубежной литературы и художественной культуры, прозвучал для него громом среди ясного неба.

– Глебка, привет! Опять красоту наводишь?

– Фу ты, чёрт! – Глеб Свидерский выглядел сконфуженным, и Самсонов, хоть и казался озабоченным, раскатисто захохотал.

– Не бойсь, доцент, я тебя не выдам! – пообещал Шурик. – Зато теперь буду тебя шантажировать, и просто так ты от меня не отделаешься, придётся тебе раскошелиться...

Александр Алексеевич Самсонов был на три года старше Глеба Свидерского, хотя оба учились в одной группе и окончили тогда ещё пединститут вместе, в один год, с одинаковыми «красными дипломами». То есть с отличием.

Сейчас Шурик Самсонов был примерно в два с половиной

раза объёмнее Глеба Свицерского, и тех, кто знал их обоих ещё в студенческие годы, это несказанно удивляло: поджарый, мускулистый Шурик в своё время был в институте одним из лучших бегунов на средние дистанции, много и успешно занимался полудюжиной видов спорта, был всегда лёгок на подъём... Поэтому предположить, что его так разнесёт, никто не рискнул бы. В студенческие годы.

«Укрупнение» Шурика, как назвал этот процесс Глеб Свицерский, началось примерно полтора года спустя после окончания им института. Когда молодого и бойкого учителя русского языка и литературы одной из школ Приморска стали активно «продвигать» по комсомольской линии.

Шурик быстро сообразил, что перед ним открывается непыльная дорожка к достаточно приличной по совковым меркам жизни. Самсонов, как объяснял он друзьям, не сильно упирался, когда ему предложили поменять школьный кабинет литературы на небольшой, но отдельный кабинетик заведомом одного из многих в Приморске райкомов комсомола.

Впрочем, пребывание Шурика в этом небольшом кабинетике по времени оказалось весьма непродолжительным: Самсонов как-то очень успешно умел «расти над собой»! Этот карьерный рост сопровождался увеличением человека в объёме... «Становлюсь большим человеком»! – иронизировал над собой Шурик, завистливо поглядывая на Глеба при нечастых в то время встречах. И, действительно, стано-

вился всё больше и больше.

Когда комсомольские и партийные должности оказались упразднёнными по причине кончины комсомола и его направляющей силы, выяснилось, что Шурик Самсонов был просто до неприличия непредусмотрительным функционером. Он не позаботился даже о том, чтобы обеспечить себе более-менее приличное место в новой жизни... Позже он объяснял друзьям, что не виновен: просто за нескончаемыми пьянками-гулянками да бл...ками партийной работы всё руки не доходили. Да и не ищут от добра – добра!

Самсонов, святая простота, даже учёную степень себе не завёл, хотя защитить кандидатскую диссертацию довольно известному в городе, подававшему большие надежды партийному работнику было проще простого.

В результате крушения Системы Шурику, вероятнее всего, пришлось бы туго, если бы не его и Глеба друг Василий Иванович Гришанов, который к тридцати годам был кандидатом физико-математических наук, заведующим кафедрой математического анализа пединститута и считался самым вероятным претендентом на должность проректора по научной работе. Этот высокий пост должен был скоро освободиться в связи с выходом на пенсию человека, который двадцать лет его занимал.

Васька Гришанов, серьёзный и обстоятельный парень, окончивший институт на два года раньше, чем это сделали Глеб и Шурик, очень привязался этим «филолухам царя

небесного», казавшимся ему, гордости физмата, людьми не от мира сего.

С Шуриком они сошлись на почве увлечения спортом, а Глеб, приятель Шурика, с которым институтская звезда лёгкой атлетики училась в одной группе, привлёк его своей – поистине светлой – головой: «Тебе бы, Глебыч, математикой заняться, шарики у тебя правильно бегают. Имею в виду, что это тебе и в твоей филологии ещё как поможет!» Как всегда, Василий Гришанов оказался прав.

Встретив случайно Шурика, отсыпавшегося и отдохавшего после активной партийной работы, Василий Иванович быстренько выяснил, что приятель, в принципе, готов плыть по течению. Однако пока этого самого течения не обнаруживалось, и Шурик просто тонул... К моменту их встречи Василий Иванович уже очень многое мог в пединституте, и поэтому на кафедре тогда ещё русской и зарубежной литературы очень быстро появился новый преподаватель. Выпускник филфака, обладатель «красного диплома» Александр Алексеевич Самсонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.